

КОНКОРДИЯ
АНТАРОВА

Часть I

ДВЕ
ЖИЗНИ

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН
С КОММЕНТАРИЯМИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-313.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

Антарова, Конкордия Евгеньевна.
А72 Две жизни. Часть I : мистический роман с комментариями /
Конкордия Антарова. — Москва : Эксмо, 2025. — 560 с.

ISBN 978-5-04-121225-4

В этом романе есть все — захватывающий сюжет, интрига, мелодрама, мистика, борьба добра и зла, черные маги, погони и преследования. Но помимо всего, в романе есть нечто, что превращает его в подлинный источник духовной мудрости Востока, а именно — изложение основ философско-эзотерических знаний и психологических закономерностей духовного развития человека. Главный герой этой книги — ученик духовных Учителей Востока. А знания, которые он получает от них, имеют реальную, практическую пользу для каждого читателя. За долгую историю романа Антаровой его оценило не одно поколение любителей литературных открытий. Конечно, встречаются разные мнения о нем, но чаще всего отзывы читателей единодушны: «Книга, которая зажигает сердца!», «Обязательна к прочтению!», «Моя настольная книга».

УДК 821.161.1-313.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-121225-4

© Миланова А., предисловие, комментарии, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

— Содержание —

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Глава 1. У МОЕГО БРАТА	14
Глава 2. У АЛИ	28
Глава 3. ЛОРД БЕНЕДИКТ И ПОЕЗДКА НА ДАЧУ АЛИ	48
Глава 4. МОЁ ПРЕВРАЩЕНИЕ В ДЕРВИША	65
Глава 5. Я В РОЛИ СЛУГИ-ПЕРЕВОДЧИКА	76
Глава 6. МЫ НЕ ДОЕЗЖАЕМ ДО К.	87
Глава 7. НОВЫЕ ДРУЗЬЯ	103
Глава 8. ЕЩЁ ОДНО ГОРЬКОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ И ОТЪЕЗД ИЗ МОСКВЫ	129
Глава 9. МЫ ЕДЕМ В СЕВАСТОПОЛЬ	135
Глава 10. В СЕВАСТОПОЛЕ	154
Глава 11. НА ПАРОХОДЕ	166
Глава 12. БУРЯ НА МОРЕ	180
Глава 13. НЕЗНАКОМКА ИЗ КАЮТЫ 1А	195
Глава 14. СТОЯНКА В Б. И НЕОЖИДАННЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ	213
Глава 15. МЫ ПЛЫВЁМ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ	234
Глава 16. В КОНСТАНТИНОПОЛЕ	258
Глава 17. НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ ЖАННЫ И КНЯЗЯ	273
Глава 18. ОБЕД У СТРОГАНОВЫХ	301
Глава 19. МЫ В ДОМЕ КНЯЗЯ	323
Глава 20. ПРИЕЗД АНАНДЫ И ЕЩЁ РАЗ МУЗЫКА	342
Глава 21. МОЯ БОЛЕЗНЬ, ГЕНРИ И ИСПЫТАНИЕ МОЕЙ ВЕРНОСТИ	364

Глава 22. НЕОЖИДАННЫЙ ПРИЕЗД СЭРА УОМИ И ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА ЕГО С АННОЙ	383
Глава 23. ВЕЧЕР У СТРОГАНОВЫХ И РАЗОБЛАЧЕНИЕ БРАЦЦАНО	420
Глава 24. НАШИ ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ .	440
Глава 25. ОБЕД НА ПАРХОДЕ. ОПЯТЬ БРАЦЦАНО И ИБРАГИМ. ОТЪЕЗД КАПИТАНА	468
Глава 26. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ.	501
КОММЕНТАРИИ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ РОМАНА К. Е. АНТАРОВОЙ «ДВЕ ЖИЗНИ»	538

— Предисловие —

В ряду художественных произведений, посвящённых духовно-психологической и философской тематике, роман К. Е. Антаровой «Две жизни» занимает особое место.

Остановимся немного на жизни автора этого произведения, Конкордии Евгеньевны Антаровой (1886—1959). Конкордия Евгеньевна родилась 13 (по новому стилю 25) апреля 1886 года в Варшаве. Жизнь не баловала её с самого детства: когда ей было 11 лет, умер отец. Конкордия, или, как её называли, Кора, жила с мамой на её небольшую пенсию и деньги, которые мать зарабатывала уроками иностранных языков. В 14 лет девочку постиг ещё больший удар судьбы: умерла её мама, и Кора осталась совсем одна. Тогда она училась в 6-м классе гимназии. Родственников, способных помочь ей материально, у неё не было, но девочка не бросила учёбу — она стала зарабатывать себе на жизнь самостоятельно, давая уроки, как делала это раньше её мама, и смогла закончить гимназию в 1901 году. Тем не менее у совсем юной девушки, оставшейся одной на всём белом свете, появилась мысль об уходе в монастырь, и Кора стала послушницей. На сохранившейся фотографии тех лет мы видим прекрасное, удивительно духовное юное лицо в монашеском облачении.

Видимо, самым светлым явлением в её послушнической жизни было пение в церковном хоре: именно тогда стало ясно, что судьба одарила её удивительно красивым контральто оригинального, необычного тембра. Этот дар вместе с любовью к музыке и театру и определил впоследствии путь её жизни. Но Конкордия не сразу поняла своё истинное призвание: приехав в Санкт-Петербург после окончания гимназии, она поступает вначале на историко-филологический факультет Бестужевских Высших женских курсов и лишь затем — в Петербургскую консерваторию. Учёбу на курсах она закончила в 1904 году. У неё была возможность устроиться на работу преподавателем того

же учебного заведения, но именно тогда девушка поняла, что истинное её призвание состоит в искусстве, в музыке. Она решила специализироваться по классу вокала и стала брать уроки пения у профессора консерватории И. П. Прянишникова. Чтобы иметь возможность оплачивать эти уроки, ей приходилось много работать. Тяжёлая работа подрывала её силы, она часто болела, но упорно шла к своей цели, не отступая от задуманного. Именно в те трудные, полуголодные годы у неё началось тяжёлое заболевание, впоследствии поставившее точку в её артистической карьере, — бронхиальная астма. В 1907 году Антарова проходит прослушивание в Мариинском театре. Несмотря на огромный конкурс, её принимают на работу в труппу знаменитого театра. Но в Мариинке Антарова проработала не больше года — одна из певиц Большого театра по семейным обстоятельствам переехала в Петербург, и Антарова согласилась заменить её в Москве, став в 1908 году артисткой Большого театра.

Её мечта сбылась — она стала оперной певицей. Более 20 лет своей жизни она отдала сцене. Репертуар Антаровой был огромен, её неповторимый, незабываемый голос звучал во всех операх, которые ставились в Большом театре за это время. Позднее (предположительно в 1933 году, уже после ухода со сцены) она была удостоена звания заслуженной артистки РСФСР.

С 1930 года в жизни Антаровой происходят перемены: известно, что с этого времени Конкордия Евгеньевна прекратила свою артистическую деятельность на сцене Большого театра. С чем это было связано — с прогрессирующей болезнью или с другими обстоятельствами, — трудно сказать; существуют разные версии, объясняющие этот факт. Возможно, что после ухода из Большого театра К.Е. ещё какое-то время продолжала концертную деятельность, но вскоре вынуждена была окончательно расстаться со сценой.

Между тем наступало время одного из самых драматичных периодов в истории России, периода сталинской диктатуры; трагедия миллионов людей, безвинно казнённых и сосланных, не обошла и дом Конкордии Антаровой. Её любимый муж был расстрелян в ГУЛАГе, и одному Богу известно, ценой каких страданий она пережила эту драму. Завершив свою артистическую карьеру, певица занялась литературным творчеством. Во время её работы в Большом театре она вместе с другими молодыми артистами

обучалась актёрскому мастерству под руководством К. С. Станиславского. Для этого была создана специальная Оперная студия Большого театра, цель которой состояла в развитии творческих актёрских навыков певцов. Знакомство со Станиславским привнесло много позитивного в жизнь Антаровой; певица старательно конспектировала беседы знаменитого режиссёра. Уйдя из Большого театра, Антарова на основе этих записей написала книгу «Беседы К. С. Станиславского». Эта работа выдержала несколько переизданий и была переведена на иностранные языки.

Но, конечно, главной литературной работой всей жизни Конкордии Антаровой стал роман «Две жизни». Роман создавался ею в трудные годы войны (она тогда жила в Москве). Последователи Антаровой утверждают, ссылаясь на воспоминания её современников, что появление на свет этого произведения окутано тайной; многотомная работа была создана в исключительно короткие сроки. Причину столь быстрого создания этого романа они видят в том, что он был не столько написан, сколько записан Конкордией Евгеньевной. Из этих утверждений можно предположить, что роман создавался Антаровой так же, как в своё время Е. П. Блаватская писала свои работы, отчасти находя материалы для них сама, но в большей мере слыша неслышимые другим го-

лоса своих духовных Учителей, диктующих ей текст, или видя в астральном свете, с помощью ясновидения, уже готовый текст, который ей предстояло перенести на бумагу. Как бы то ни было, К. Е. Антарова, несомненно, имела духовную связь с Белым Братством, благодаря чему ею и были написаны «Две жизни». Один из духовных учеников К. Е. Антаровой, индолог С. И. Тюляев, свидетельствовал, что, хотя Антарова и не была членом Российского Теософического общества, она общалась с некоторыми его участниками, то есть явно была знакома с теософским учением.

Ближайшей подругой К. Е. Антаровой была выдающийся учёный-математик Ольга Николаевна Цубербиллер. Как и Конкордия Евгеньевна, она тоже была последовательницей теософского учения и Учителей Востока.

Конкордия Евгеньевна умерла в 1959 году. Копии рукописи романа «Две жизни» хранились у небольшого числа её друзей и последователей, в том числе у С. И. Тюляева и Е. Ф. Тер-Арутюновой. Роман не предназначался для печати, в те годы об этом невозможно было и думать. Но люди, интересующиеся философско-эзотерическим наследием Востока, равно как и всем остальным, что было запрещено советской цензурой, в России были всегда, в силу чего в СССР в течение многих десятилетий существовал самиздат. Благодаря ему запрещённые для издания произведения, в том числе работы Е. П. Блаватской, книги Агни-Йоги и прочая литература, находящаяся на спецхране, тайно перепечатывались, ксерокопировались и передавались из рук в руки. Таким образом, эзотерический роман К. Е. Антаровой с самого его появления на свет неизменно находил читателей и поклонников и всегда был востребован мыслящими людьми. Впервые он был издан в 1993 году и с тех пор стал любимейшей книгой всех, кто стремится к самосовершенствованию и постижению тайной мудрости Востока.

Чем же так полюбился он читателям?

В среде поклонников эзотерических учений роман особенно прославился философскими афоризмами, рассыпанными, словно жемчужины, в разных эпизодах повествования о приключениях Лёвушки и его покровителей. В данном издании эти афоризмы восточной мудрости выделены на полях звёздочками, чтобы читателю было удобнее находить их в тексте. Отметим также, что по своей внешней форме и сюжетному развитию это произведе-

ние напоминает обычную беллетристику, интересный приключенческий роман, написанный в несколько старомодном стиле прозы конца XIX — начала XX столетия. Описываемые в романе события также происходят в XIX веке. Однако за внешней увлекательной формой повествования кроется изложение основ великого философско-эзотерического знания, принесённого в западный мир Е. П. Блаватской и семьёй Рерихов в учениях теософии и Агни-Йоги (Живой Этики). Более того — сами герои романа являются прототипами духовных Учителей Востока — Махатм — и их учеников. Махатма Мориа узнаётся в величественном и вместе с тем человечном образе Али Мохаммеда; его ближайший соратник Учитель Кут-Хуми — в образе сэра Ут-Уоми. Иллофиллион ассоциируется с Учителем Илларионом, Флорентиец, по-видимому, является прообразом Венецианца — таково было духовное имя одного из Великих Учителей. В последующих томах читатель встретит прообразы и других Учителей Белого Братства, ставших известными на Западе, а также талантливых творческих деятелей всего мира. Главный герой романа, от имени которого ведётся повествование, ученик духовных Учителей Лёвушка, или Лев Николаевич, граф Т. — это, конечно, Л. Н. Толстой, великий писатель и мудрец. Многие детали биографии Лёвушки совпадают с реальными фактами из жизни Толстого. Почему именно он был выбран прототипом главного героя романа — трудно сказать, но

известно одно: всю свою жизнь Толстой глубоко ценил восточную мудрость, что отразилось в таких его работах, как сборник «Круг чтения», рассказ «Карма», сборник афоризмов «Путь жизни» и многие другие.

В рассказ о жизни и приключениях главных действующих лиц этой книги искусно вплетено описание процесса духовно-психологического и нравственного самосовершенствования, который предстоит пройти человеку, решившему пойти путём ускоренной духовной самореализации, преподанном в учениях Махатм.

В динамизме повествования, в постоянных приключениях, в которые попадают спасающиеся от погони герои книги, присутствуют основы философии и этики восточного эзотеризма. Многомерность мироздания; существование иного плана бытия; способность сознания человека произвольно отделяться от его физического тела и воспринимать то, что творится в других уголках мира; существование на планете светлых сил — Учителей Белого Братства — и сил тёмных в виде адептов чёрной магии; законы кармы и перевоплощений во всём их многообразном проявлении; психологические трудности и неизбежные ошибки учеников духовного знания, приводящие подчас к настоящим драмам их жизни, и блистательные афоризмы мудрости в виде наставлений, даваемых Учителями своим ученикам, — всё это, изложенное на страницах этой книги, делает её буквально кладом ценнейшей информации для человека, интересующегося духовной мудростью Востока и вопросами самосовершенствования. Внешне похожий на увлекательную сказку, этот роман содержит в себе серьёзнейшие психологические примеры того, как преломляются практические принципы восточных духовных практик в реальной повседневной жизни человека.

Не случайно этим романом зачитывалось не одно поколение читателей, интересующихся практиками совершенствования, изложенными в учениях духовных Учителей Востока. «Две жизни» — это на самом деле книга-учитель, необходимая для каждого, кто хоть раз задумывался о своём месте в жизни и о смысле своего существования в целом. Типаж героев романа отвечает многообразным психологическим типам людей, которые каждый из нас встречал или может встретить в реальной жизни. Читатели «Двух жизней» по ходу повествования «узнают» самих себя в тех или иных персонажах романа и, глядя на их поступки со сторо-

ны, начинают понимать и свои собственные ошибки в отношениях с людьми, и те иллюзии, которые мешают им реализовать свои лучшие мечты и планы, и внутренние психологические причины тех неудач, которые им довелось пережить, и многое-многое другое. А вслед за пониманием приходит и осознание того, как следует поступать в той или иной жизненной ситуации и как реагировать на те вызовы, которые бросает всем нам сама жизнь, чтобы суметь принять их и выйти победителем из самых сложных ситуаций.

Именно этим, на наш взгляд — своей практической, жизненной ценностью, — роман К. Е. Антаровой так полюбился многим читателям. В новое издание этого романа включены комментарии, поясняющие ряд интересных деталей повествования с точки зрения основных положений теософии и Агни-Йоги. Думается, что это, с одной стороны, облегчит чтение романа читателям, незнакомым с этими учениями, а с другой — поможет в дальнейшем воспринимать и сами книги этих учений, если к ним возникнет интерес.

А. Миланова

— Глава 1 —

У моего брата

События, о которых я сейчас вспоминаю, относятся к давно минувшим дням, к моей далёкой юности.

Уже больше двух десятков лет зовут меня дедушкой, но я совсем не ощущаю себя старым; мой внешний облик, заставляющий уступать мне место или поднимать оброненную мною вещь, так не гармонирует с моей внутренней бодростью, что заставляет меня конфузиться всякий раз, когда люди выказывают такое почтение моей седой бороде.

Мне было лет двадцать, когда я приехал в среднеазиатский большой торговый город погостить к брату, капитану N-ского полка. Жара, ясное синее небо, дотоле невиданное; широкие улицы с аллеями из высочайших развесистых и тенистых деревьев посередине поразили меня своей тишиной. Изредка не спеша проедет на осле купец на базар; пройдёт группа женщин, укутанных в чёрные паранджи и белые или тёмные покрывала, подобно плащу скрадывающие формы тела.

Улица, на которой жил брат, была не из главных, от базара находилась далеко, и тишина на ней стояла почти абсолютная. Брат снимал небольшой дом с садом; жил в нём один со своим денщиком и пользовался лишь двумя комнатами, а три остальные поступили всецело в моё распоряжение. Окна одной из комнат брата выходили на улицу; туда же смотрели два окна той комнаты, что я облюбовал себе как спальню и которая носила громкое название «зала».

Брат мой был человеком очень образованным. Стены комнат сверху донизу были заставлены полками и шкафами с книгами. Библиотека была прекрасно подобрана, расставлена в полном порядке и, судя по каталогу, составленному братом, обещала много радостей в новой для меня, уединённой жизни.

Первые дни брат водил меня по городу, базару, мечетям; временами я бродил один в огромных торговых галереях с расписными

столбами и маленькими восточными ресторанами-кухнями на перекрёстках. В снующей, говорливой толпе, пёстро одетой в разноцветные халаты, я ощущал себя словно оказавшимся в Багдаде и всё представлял себе, что где-то совсем рядом проходит Аладдин со своей волшебной лампой или бродит никем не узнаваемый Гарун-аль-Рашид. И восточные люди, с их величавым спокойствием или же, наоборот, повышенной эмоциональностью казались мне загадочными и притягательными.

Однажды, бродя рассеянно от магазина к магазину, я вдруг вздрогнул как от удара электрического тока и невольно оглянулся. На меня пристально смотрели совершенно чёрные глаза очень высокого, средних лет человека с густой короткой чёрной бородой. А рядом с ним стоял юноша необычайной красоты, и взгляд его синих, почти фиолетовых глаз также был устремлён на меня. Высокий брюнет и юноша оба были в белых чалмах и пёстрых шёлковых халатах. Их осанка и манеры существенно отличались от всех окружающих; многие из прохожих подобострастно им кланялись.

Оба они уже давно двинулись к выходу, а я всё стоял как заворожённый, не в силах победить впечатление от этих чудесных глаз. Опомнившись, я бросился за ними, но подбежал к выходу из галереи в тот самый момент, когда столь поразившие меня незнакомцы уже были в пролётке и отъезжали от базара. Юноша сидел с моей стороны. Оглянувшись, он чуть улыбнулся и сказал что-то старшему. Но густая пыль, которую подняли три осла, закрыла всё, я больше ничего не мог видеть, да и стоять под отвесными лучами палящего солнца был больше не в силах.

«Кто бы это мог быть?» — думал я, возвращаясь туда, где их встретил. Я несколько раз прошёл мимо лавки и наконец решился спросить хозяина:

— Скажите, пожалуйста, кто эти люди, которые только что были у вас?

— Люди? Люди много ходила сегодня мой лавка, — хитро улыбаясь, сказал он. — Только твой, верно, не люди хочет знать, а один высокий чёрный люди?

— Да, да, — поспешил я согласиться. — Я видел высокого брюнета и с ним красавца юношу. Кто они такие?

— Они наша большой, богатый помещики. Виноградники, — оуай, — виноградник! Ба-а-льшой торговля ведёт с Англия.

- Но как же его зовут? — продолжал я.
- Ой-я, — засмеялся хозяин. — Вся горишь, знакомиться хочешь? Он — Мохаммед Али. А молодой — Махмуд Али.
- Вот как, оба Магометы?
- Нет, нет, Мохаммед только дядя, а племянник — Махмуд.
- Они здесь живут? — продолжал я спрашивать, рассматривая шелка на полках и соображая, что бы такое купить, чтобы выиграть время и узнать ещё что-нибудь о заинтересовавших меня незнакомцах.
- Что смотришь? Халат хочешь? — подметив мой парящий взгляд, спросил хозяин.
- Да, да, — обрадовался я предлогу. — Покажите мне, пожалуйста, халат. Я хочу сделать подарок брату.
- А кто твой брат? Какой ему нравится?
- Я понятия не имел, какие халаты могут нравиться брату, так как ни в чем другом, как в кителе или пижаме, пока ещё не видел его.
- Мой брат — капитан Т., — сказал я.
- Капитан Т.? — воскликнул с восточным темпераментом купец. — Я его хорошо знаю. Ему уже есть семь халатов. На что ему ещё?
- Я был смущён, но, скрыв своё замешательство, храбро сказал:
- Да он их все раздарил, кажется.
- Вот как! Наверно, друзьям в Петербург посылал. Ха-а-роший халаты покупал! Вот, смотри, Мохаммед Али для своя племянница велел прислать. Ой-я, халат!
- И купец достал из-под прилавка чудесный халат розового тона с серовато-лиловыми матовыми разводами.
- Такой мне не подойдёт, — сказал я.
- Купец весело рассмеялся.
- Конечно, не подойдёт; это женская халат. Я тебе дам вот, — синий.
- И с этими словами он развернул на прилавке великолепный фиолетовый халат. Халат был несколько пестроват; но тон его, тёплый и мягкий, мог понравиться брату.
- Не бойся, бери. Я всех знаю. Твой брат — приятель Али Мохаммед. Мы не можем продавать его приятелю плохо. Твой брат — ха-а-роший человек! Сам Али Мохаммед его почитает.
- Да кто же он, этот Али?

— Я же сказал, — большая важная купец. Персия торгует и Россия тоже, — ответил хозяин.

— Непохоже, чтобы он был купец. Он, наверное, учёный, — возразил я.

— Ой-я, учёный! Учёный он есть такой, что и у твоя брат все книги знает. Твоя брат тоже ба-а-льшой учёный.

— А где живёт Али, вы не знаете?

Купец панибратски хлопнул меня по плечу и сказал:

— Ты, видать, здесь мало живёшь. Али дом — напротив твой брат дом.

— Напротив дома брата очень большой сад, обнесённый высокой кирпичной стеной. Там всегда мёртвая тишина, и даже ворота никогда не открываются, — сказал я.

— Тишина-то тишина. А вот сегодня будет не тишина. Приедет сестра Али Махмуд. Будет сговор, пойдёт замуж. Если ты сказал, что Али Махмуд красавец, то сестра — ой-я! — звезда с неба! Косы до пола, а глаза — ух!

Купец развёл руками и даже захлебнулся.

— Как же вы могли видеть её? Ведь по вашему закону паранджу нельзя снимать перед мужчинами?

— Улица нельзя. У нас и в дом нельзя. А у Али Мохаммед все женщины дома ходит открыта. Мулла много раз говорил, да перестал. Али сказал: «Уеду». Ну, мулла и молчит пока.

Я простился с купцом, взял покупку и пошёл домой. Шёл я долго; где-то свернул не в ту сторону и с большим трудом отыскал наконец свою улицу. Мысли о богатом купце и его племяннике путались с мыслями о небесной красоте девушки, и я не мог решить, какие же у неё глаза: чёрные, как у дяди, или фиолетовые, как у брата?

Я шёл, глядя под ноги, и внезапно услышал: «Лёвушка, да где же ты пропадал? Я уже собирался было тебя искать».

Милый голос брата, заменявшего мне всю жизнь и мать, и отца, и семью, был полон юмора, как и его сверкающие глаза. На слегка загорелом, гладко выбритом лице блестели белые зубы; у него были яркие, красиво очерченные губы, золотые вьющиеся волосы, тёмные брови... Я впервые осознал, как красив он, мой брат. Я гордился и восхищался им всегда; а сейчас, точно маленький, ни с того ни с сего бросился ему на шею, расцеловал в обе щеки и сунул ему в руки халат.

— Это тебе халат. А твой Али стал причиной того, что я совсем оторопел и заблудился, — сказал я со смехом.

— Какой халат? Какой Али? — с удивлением спросил брат.

— Халат номр восемь, который я тебе купил в подарок. А Али номер один, твой друг, — ответил я, все продолжая смеяться.

— Ты напоминаешь маленького упрямца Лёвушку, который любил всех озадачивать. Вижу, что любовь к загадкам всё ещё жива в тебе, — улыбаясь своей открытой улыбкой, необычайно изменявшей его лицо, сказал брат. — Ну, пойдём домой, не век же нам стоять тут. Хотя никого и нет, но я не поручусь, что где-нибудь тайком, из-за края занавески, на нас не смотрит любопытный глаз.

Мы двинулись было домой. Но внезапно чуткое ухо брата различило вдали цоканье конских копыт.

— Подожди, — сказал он, — едут.

Я ничего не слышал. Брат взял меня за руку и заставил остановиться под огромным деревом, как раз напротив закрытых ворот того тихого дома, в котором, по словам купца из торговых рядов, жил Али Мохаммед.

— Возможно, что сейчас ты увидишь нечто поразительное, — сказал мне брат. — Только стой так, чтобы нас не было видно ни из дома, ни со стороны дороги.

Мы стояли за огромным деревом, где могли бы укрыться ещё два-три человека. Теперь уже и я различал топот нескольких лошадей и шум колёс на мягкой немощёной дороге.

Через несколько минут распахнулись настежь ворота дома Али, и дворник вышел на дорогу. Оглядевшись, он махнул кому-то в сад и остановился в ожидании.

Первой ехала простая телега. В ней сидели две закутанные в покрывала женские фигуры и трое детей. Все они утопали в массе узлов и картонок, а сзади был привязан небольшой сундук.

Вслед за ними, в какой-то старой бричке, ехал старик с двумя элегантными чемоданами.

И наконец на довольно большом расстоянии, очевидно оберегаясь от дорожной пыли, двигался экипаж, который пока нельзя было рассмотреть. Между тем телега и бричка въехали в ворота и исчезли в саду.

— Смотри внимательно, но молчи и не двигайся, чтобы нас не заметили, — шепнул мне брат.

Экипаж приближался. Это была изящная пролётка, запряжённая прекрасным вороным конём, и в ней сидели две женщины с закрытыми чёрной паранджой лицами.

Из ворот дома вышел Али Мохаммед, в белом, и за ним следом, в такой же длинной белой одежде, Али Махмуд. Глаза Али-старшего, почудилось мне, будто пронзили насквозь дерево, за которым мы спрятались, и мне даже показалось, что по губам его скользнула едва уловимая усмешка. Меня даже в жар бросило; я прикоснулся к брату, желая сказать: «Нас обнаружили», но он приложил палец к губам и продолжал пристально смотреть на приблизившийся и остановившийся экипаж.

Ещё через мгновение Али-старший подошёл к экипажу... маленькая белая очаровательная женская ручка подняла покрывало с лица. Я видел женщин, признанных красавиц, на сцене и в жизни, но сейчас впервые понял, что такое женская красота.

Другая фигура что-то визгливо выговаривала Али старческим голосом, а девушка смущённо улыбалась и уже готова была вновь опустить на лицо покрывало. Но Али сам небрежно сбросил его ей на плечи, и, к великому негодованию старухи, на свет показались тёмные кольца непослушных волос. Не обращая внимания на визгливые выговоры, Али поднял бросившуюся к нему на шею девушку и, как ребёнка, понёс её в дом.

Между тем Али-молодой почтительно высаживал всё ещё ворчавшую старуху.

Серебристый смех девушки доносился из открытых ворот.

Уже и старуха с молодым Али скрылись, и пролётка въехала в ворота, и ворота закрылись... А мы всё ещё стояли, забыв место и время, забыв, что хотелось есть, жару и все приличия.

Обернувшись к брату, чтобы поделиться с ним своим восторгом, я был просто потрясён. Всегда улыбающееся лицо его было совсем бледно, серьёзно и даже сурово. Его синие глаза как-то потемнели. Это было лицо совершенно незнакомого мне человека. Даже брови изменили свою обычную форму и были строго сдвинуты в почти сплошную прямую линию.

Я не мог опомниться; всё смотрел на этого чужого, незнакомого мне человека.

— Ну что же, понравилась ли вам моя племянница Наль? — вдруг услышал я над собой незнакомый металлический голос.

Я вздрогнул, — от неожиданности не понял даже вопроса, — и увидел перед собою высоченную фигуру Али-старшего, который, смеясь, протягивал мне руку. Машинально я взял эту руку и почувствовал какое-то облегчение; даже из груди у меня вырвался вздох, и по руке побежала тёплая струя энергии.

Я молчал. Мне казалось, что ещё никогда не держал я в своей руке такой ладони. С усилием оторвались мои глаза от прожигающих глаз Али Мохаммеда, и я посмотрел на его руки.

Они были белы и нежны, точно к ним не мог пристать загар. Длинные, тонкие пальцы кончались овальными, выпуклыми, розовыми ногтями. Вся рука, узкая и тонкая, артистически прекрасная, всё же говорила об огромной физической силе. Казалось, глаза, мечущие искры железной воли, находились в полной гармонии с этими руками. Можно было легко представить, что в любую минуту, стоит Али Мохаммеду сбросить мягкую белую одежду, взять меч в руку, — и увидишь воина, разящего насмерть.

Я забыл, где мы, зачем мы стоим посреди улицы, и не могу сейчас сказать, как долго держал Али мою руку. Я точно стоя заснул.

— Ну, пойдём же домой, Лёвушка. Отчего ты не благодаришь Али Мохаммеда за приглашение? — услышал я голос брата.

Я опять не понял, о каком приглашении говорит мне брат, и пролепетал какое-то невнятное прощальное приветствие улыбающемуся мне высокому и стройному Али.

Брат взял меня под руку, я невольно двинулся в ногу с ним. Робко взглянув на него, я снова увидел родное, близкое, с детства знакомое лицо любимого брата Николая, а не того чужого человека под деревом, вид которого так меня поразил и глубоко расстроил.

Сложившаяся с детства привычка видеть опору, помощь и покровительство в брате, привычка, создавшаяся в те дни, когда я рос только в его обществе, обращаться со всеми жалобами, огорчениями и недоразумениями к брату-отцу, как-то вдруг выскочила из глубины моего сердца, и я сказал жалобным тоном:

— Как мне хочется спать; я так устал, точно прошёл вёрст двадцать!

— Очень хорошо, сейчас пообедаем, и можешь лечь часа на два. А потом пойдём в гости к Али Мохаммеду. Он здесь почти единственный ведёт европейский образ жизни. Дом его прекрасно и с большим вкусом обставлен. Очень элегантная смесь Азии